

Борис Грозовский: Добрый день, дорогие друзья, уважаемые коллеги! Меня зовут Борис Грозовский, я креативный директор Фонда Егора Гайдара. Мне ужасно приятно представлять вам сегодняшнего лектора. Симеон Дянков – совершенно уникальный человек с точки зрения того, как он соединяет исследовательскую работу и участие в экономической политике как через консультирование правительств и правительственных кругов разных стран, так и через ту работу, которую Симеон проделал в начале 2000-х годов, создав вместе с коллегами во Всемирном банке рейтинг Doing Business. Есть очень много различных статей на эту тему, какие-то аспекты можно критиковать, но никакого другого инструмента, позволяющего с какой-то более-менее верифицированной точностью сравнивать качество делового климата очень не похожих друг на друга стран, просто нет. Всем, кто еще не читал, я очень советую, может быть, после сегодняшней лекции посмотреть написанную Симеоном главу из книги «The Great Rebirth». По-русски она будет называться «Великое возрождение», издание сейчас готовят «Новое издательство» и портал Inliberty.ru, и вот на этом портале опубликована глава из книги, которую написал Симеон и которая, собственно, так и называется – «Великое возрождение».

Я не буду слишком долго распространяться, только скажу еще две вещи. Прежде всего, я очень рекомендую совсем недавний материал Симеона на сайте ssrn.com – Social Science Research Network. Это безумно интересная научная статья – надеюсь, что Симеон будет о ней сегодня немножко рассказывать – которая показывает, как правительства стран с переходной экономикой, в особенности России и Украины, в буквальном смысле слова крадут счастье у населения своих стран. Очень интересная тема, немножко сбоку лежащая от основной темы сегодняшней лекции, но многочисленные исследования типа мирового исследования ценностей World Value Survey показывают, что жители наших стран действительно несчастливы для подобного уровня и так далее. Симеон предложил объяснение, которое, как я понимаю, до сих пор не высказывалось с такой отчетливостью, что это связано с качеством госуправления и с распространенностью коррупции. То есть плохое качество государства в буквальном смысле делает людей несчастными – очень интересная и отчасти неожиданная трактовка.

Еще один штрих к тому, что делает Симеон. Посмотрите, пожалуйста, все, кому интересно, сайт ideas42.org – ресурс, созданный в том числе и Симеоном. Он объединяет экономистов, психологов, социологов, которым симпатичны развившиеся в последние лет двадцать бихевиористские подходы в политической науке и экономике. Все вместе они думают о том, как сделать экономическую политику в разных странах лучше с помощью того, что можно было бы назвать мягким патернализмом, когда правительство пытается подталкивать организации и людей к принятию выгодных для них самих решений в том, что касается финансовой политики и так далее. Есть опять-таки достаточно спорные идеи, им посвящено множество интересных научных работ, я надеюсь, что мы еще на

каких-нибудь дискуссиях Гайдар-клуба об этом сможем поговорить. Это очень интересная научная традиция, которая в России пока почти неизвестна.

Кажется, я о Симеоне сказал достаточно и готов передать ему слово.

Симеон Дянков: Спасибо. Добрый вечер. Когда мы встретились с Борисом в Киеве и обсудили идею проведения этой лекции, мы выбрали достаточно необычное место для обсуждения. Украина – это, наверное, единственная страна на постсоветском пространстве, которая, как я говорил в своих работах, так и не завершила этот переход, длящийся уже 26 лет. Но в ходе нашей встречи мы обсуждали общие характеристики не только постсоветских стран, но и некоторых восточноевропейских, которые я знаю немного лучше, поскольку мне приходилось достаточно много в них работать. Поэтому я решил, что начну с некоторых общих комментариев обо всех постсоветских странах, а в конце лекции поговорю о четырех странах, названия которых вы видите на экране – об Украине, Казахстане, Белоруссии и, прежде всего, о России.

Итак, 25 лет назад, когда началась эпоха перехода в Восточной Европе, в течение некоторого времени университетское сообщество вело дискуссии на предмет того, насколько быстро нужно проводить политические и экономические реформы, каким образом сделать первый шаг, а кроме того, каким образом можно принять на вооружение историю других таких переходов. И вот в то время, как академическое сообщество обсуждало реформы Бальцеровича в Польше и Вацлава Клауса в Чешской Республике, те прибегали к услугам иностранных советников. То есть эти страны в 1990-1991-1992 годах, фактически в первые три года, предприняли основные шаги, которые были предприняты позже другими государствами в регионе.

Я хорошо знаю Лешека Бальцеровича и Вацлава Клауса, мы часто выступали с ними на общих конференциях, и я неоднократно спрашивал их: «Почему вы пошли этим путем, почему вы никого не слушали, а стали последовательно проводить реформы?» И оба они отвечали примерно одинаково. Они говорили о том, что в наших обществах – в польском обществе, в обществе Чехословакии – были большие ожидания относительно того, что переход должен быть очень быстрым и очень однозначным. Люди были недовольны существовавшим режимом, то есть только в том случае, если мы придем к новому режиму, люди будут довольны, иначе последует большое разочарование. Поэтому в этих странах в течение трех-четырёх лет произошла основная либерализация политической и экономической жизни, развитие международной торговли, приватизация, либерализация цен. Все это случилось достаточно быстро. Следующие две страны, в которых начались реформы, это Эстония и Россия. Теперь, когда много лет спустя мы говорим о России, мы приводим ее в качестве примера страны, в которой реформы так и не были окончены. В конце своего выступления я немножко расскажу об этом откате и отказе от реформ. Тем не менее, в начале 1990-х Польша и Чешская Республика начали реформы, а далее последовали Эстония и Россия. И Россия была образцом страны, в которой свободные реформы были проведены.

Следующая группа посткоммунистических постсоветских стран – это страны, которые знали, каким путем им следует идти, которые политически выбрали путь реформ, но не могли определиться с тем, с какой скоростью им следует двигаться. Это такие страны, как Словакия, Болгария – моя родная страна, Венгрия, у которой процесс перехода занял шесть лет до 1996 года, и большинство стран в бывшем Советском Союзе за исключением России и Эстонии. То есть эти страны ждали и решали, каким способом им двигаться. Многие политики в то время увидели, что правительство, проводящее приватизацию, обречено на недовольство со стороны своего народа. За исключением, может быть, Вацлава Клауса. Но практика показала, что если вы проводите приватизацию, то вы уходите с политической сцены. Большинство стран в нашем регионе относятся к этой группе. То есть они подождали в течение нескольких лет, но затем решились на ту или иную степень политической либерализации или демократизацию и экономические реформы.

И есть третья группа стран – их не так много: Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Азербайджан, Грузия. Это страны, которые не хотели проводить реформы, они говорили, что это слишком опасно, потому что население хочет стабильности в политической и экономической плоскости. И вместо того, чтобы проводить одновременно политические и экономические реформы, они старались так или иначе удержать стабильность. Возможно, они были готовы для этого переименовать коммунистов, но у них оставались те же политические элиты. То есть в этих странах политики думали о политических реформах, но так и не осуществили их до сегодняшнего дня. В эту группу попадают такие страны, как Казахстан и Белоруссия.

В Центральной и Восточной Европе были такие страны, как, например, Словакия. После некоторого периода реформ, после того, как прошло разделение на Чешскую республику и Словакию, в Словакии был избран коммунист Мечьяр, который правил до 1998 года, и Словакия не участвовала в политической и экономической либерализации. Но затем она была быстро произведена в 1998 году, и на сегодня Словакия по многим показателям находится впереди таких стран, как Чешская Республика, Польша, в том числе, доход на душу населения в Словакии превышает доход на душу населения в Польше.

Итак, есть три группы стран: страны, которые быстро провели реформы, страны, которые выбрали путь реформ, но подождали, и страны, которые решили оставить тех же политиков с привязкой к ранее существовавшим партиям или же без таковой привязки, – это страны, которые решили сохранить статус-кво в политике и в экономике.

Сегодня, через 26-27 лет, что мы можем сказать о тенденциях, которые наблюдались в этих группах стран? Страны, которые рано провели реформы – Польша, Чехия и Эстония, чувствуют себя достаточно хорошо, ВВП у них вырос до трех раз, в общем-то, они достигли определенного уровня дохода и стали такими скучными заурядными европейскими странами. Уровень политической

демократии соответствует другим странам Центральной и Западной Европы. Россия – это отдельный пример, она двигалась по этому пути до 1996 года, но дальше остановилась.

Следующая группа стран – довольно интересный случай. Я покажу вам слайд относительно ощущения счастья в этих странах. Это страны, в которых реформы запоздали, и это произошло неслучайно. Была осознанная попытка отложить реформы, страны ждали и пытались определиться с тем, как вести себя в новых капиталистических реалиях. Что произошло, например, в случае Украины? Старая коммунистическая элита осмыслила процесс перехода к капитализму, и, в общем-то, у власти осталась та же элита, только она стала богаче, чем была до этого. То же самое происходит и в недемократических странах. Там существует формальный процесс выборов, но у власти остаются одни и те же люди. И если говорить о таких отложенных реформах, то важно, что чем больше эти реформы откладывались, тем сильнее остались эти элиты в экономическом отношении.

Если посмотреть на Украину, на то, как менялись президенты и что им принадлежало, то есть что принадлежало их семьям, какие экономические группы их поддерживали, то вы увидите, что все эти люди так или иначе являются миллиардерами, латентными или явными, и практически все важные политические фигуры использовали возможности для собственного обогащения. Это также произошло и в других странах, что, с моей точки зрения, обозначает тенденции, сопутствовавшие реформам. То есть люди говорили: «Мы не хотим проводить реформы, мы не хотим, чтобы они проходили за наш счет, мы не хотим страдать». И в конечном итоге у них такая же структура элит, то есть элиты более богатые, чем население. Это совершенно справедливо для стран второй группы и также для России, где реформы были остановлены. Была попытка провести реформы по-другому и по-другому провести приватизацию в 1995-1996 годах, но в результате политические элиты стали невероятно богатыми – богаче, чем в других странах, учитывая богатство России природными ресурсами, и это привело к более высокому уровню коррупции. То есть во всех странах этой группы элиты стали чрезмерно коррумпированными, и наличие природных ресурсов также обозначило взаимосвязь с коррупцией.

И последняя группа стран отличается тем, что с самого начала политические элиты отказались от того, чтобы играть в такие глупости, как демократия и политические реформы. Они сказали: мы проведем какие-то косметические преобразования, но, главное, у нас будет стабильность, и не нужно будет волноваться о завтрашнем дне. Это Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, ну и в какой-то степени Азербайджан и Армения – они также относятся к этой группе. Ранее в процессе переходов люди говорили: «Подождите год-другой, эти страны ждут крах, у них нет экономической основы». Тем не менее мы видим такие страны, как Белоруссия – у нее экономического краха не произошло. Не произошло краха и других стран, о которых я говорил. То есть оказалось, что экономический крах – это долгий процесс. Хотя в случае Белоруссии на это есть причины. Вы, наверное, знаете, что Белоруссия в

значительной степени субсидируется Россией. Без России на сегодня Белоруссия была бы очень бедной страной, но, учитывая экспорт энергоносителей из России в Белоруссию, это в значительной степени поддерживает белорусскую экономику на плаву. Также экономика Таджикистана в значительной степени зависит от российской экономики, а другие страны зависят от природных ресурсов. И это не только страны в этом регионе. Есть и другие регионы мира, такие как Ближний Восток, где есть политический режим и закрытые экономики, зависящие от нефти и других природных ресурсов, которые составляют значительную часть национальной экономики. И, в общем-то, это может продолжаться в течение долгих лет, в то время как идет определенный рост ВВП, а население остается довольно уровнем стабильности.

Теперь, после того как я рассказал о различиях между этими тремя группами стран, я хотел бы рассказать о состоянии этих трех групп стран. Мы видим, какие изменения произошли, например, с Россией. Сначала Россия принадлежала к группе быстрых реформаторов, но дальше ход реформ замедлился и произошел откат в определенных областях. Словакия провела реформы очень поздно, но затем, с 2002 по 2005 год, там произошли настолько быстрые реформы, что она обогнала Польшу, Чешскую Республику и Венгрию. Были такие примеры прыжков, как в Грузии – страна была чрезвычайно коррумпированной, столь же коррумпированной, как и Украина, и в течение долгого времени она управлялась старыми элитами. Но в 2003-2004 году они попробовали провести экономические реформы, и они очень быстро двигались, затем произошло небольшое замедление и возврат к старой системе, и в последние годы страна вернулась на путь некоторых фундаментальных реформ.

Учитывая весь этот контекст, можно ожидать, что есть корреляция между странами, которые двигались по пути реформ быстро, между странами, которые попытались провести реформы, и между странами, которые отказались от реформ. Что есть какая-то взаимосвязь между тем, как быстро вы двигаетесь, насколько успешно вы смогли разбогатеть, и тем, насколько свободным вы являетесь в политическом плане и каков у вас в стране уровень счастья.

Хочу поделиться с вами результатами исследования общественного мнения. Суть этого исследования достаточно простая. В большинстве стран, находящихся в процессе перехода, были проведены такие же исследования, как и в западных странах со средним уровнем дохода. То есть проводился европейский опрос, подготовленный специально для стран, находящихся в процессе перехода, и там был задан целый ряд вопросов. Основной вопрос людям: «Довольны ли вы своей жизнью?» А если недовольны, то задавался еще целый ряд вопросов, почему недовольны.

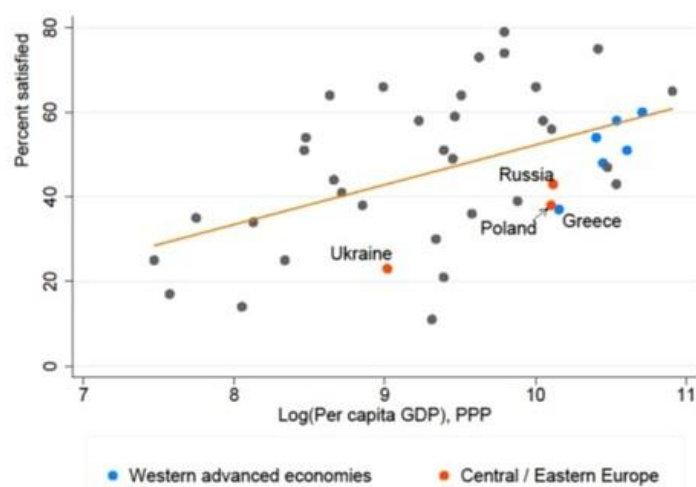
Те, кто занимается социологией, а не только экономикой, знают, что есть определенные показатели счастья, и в общем считается, что люди счастливы, когда они здоровы – это первая детерминанта счастья. Если вы здоровы, то вы более довольны жизнью. Второй показатель – это доход. Если вы богаты, в

общем обычно вы счастливее, чем бедные люди. Третий пункт – это то, что мы ценим солнечные дни. Если у нас больше солнца, мы скорее всего будем счастливее, чем те люди, которые постоянно живут в дожде. И четвертый пункт – это я просто говорю об исследованиях, которые проводились до нас и рассматривали различные мотивации людей по счастью, – это семья. Это сложный пункт, но в общем говорят, что если рядом с вами есть семья, есть люди, с которыми вы живете, делите свою жизнь, неважно, трудно это или нет для вас, то вы, как правило, счастливее. Вот такие детерминанты счастья существуют.

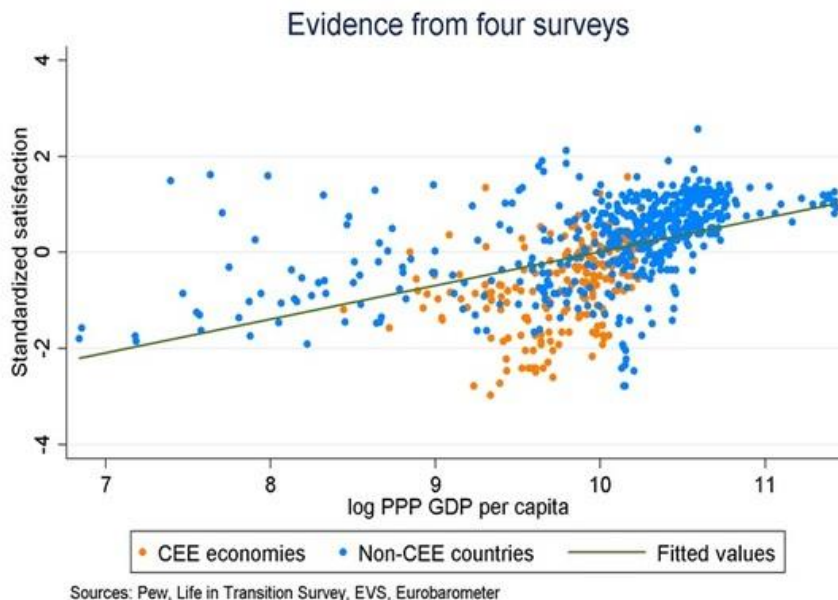
В нашем посткоммунистическом времени эти четыре детерминанты по-прежнему играют важную роль. Несмотря на то, что мы странные, может быть, люди и может оказаться, что нами руководят все-таки не эти четыре детерминанты, а что-то другое. Но в начале нашего исследования мы все-таки задали себе вопрос: «По детерминантам счастья мы похожи на другие страны или нет?» И ответили «да», если мы рассматриваем Болгарию, Россию, Чехию и строим вот эту вот регрессию, экономическую статистику, о которой я говорил. Как правило, эти показатели играют для нас такую же роль, как и для других людей. То есть базовые теории работают. Далее мы задали другой вопрос, я покажу вам слайды.

Pew, 2014

Мы сказали, что тогда в странах Восточной Европы и в странах бывшего СССР должны быть такие страны, которые будут быстрее проходить этот переходный период, и люди там будут богаче и счастливее, и спустя такое количество лет люди достигнут нормального уровня счастья. Не знаю, конечно, что такое нормальный уровень счастья, но, скажем, что это, наверное, как в Австрии, когда люди достаточно богаты, достаточно счастливы, может, у них не так много солнца, но достаточно для среднего уровня счастья. Мы строили такие регрессии – это пример по 2014 году, где рассматривали каждую страну в Европе и затем смотрели счастье по доходу на душу населения и также контролировали

количество солнечных дней в году, здоровье, продолжительность жизни, которая является одним из базовых мерил как раз здоровья, и количество членов семьи. И в базовой теории, если все верно, то каждая страна должна быть примерно на вот этой оранжевой линии или чуть выше нее.

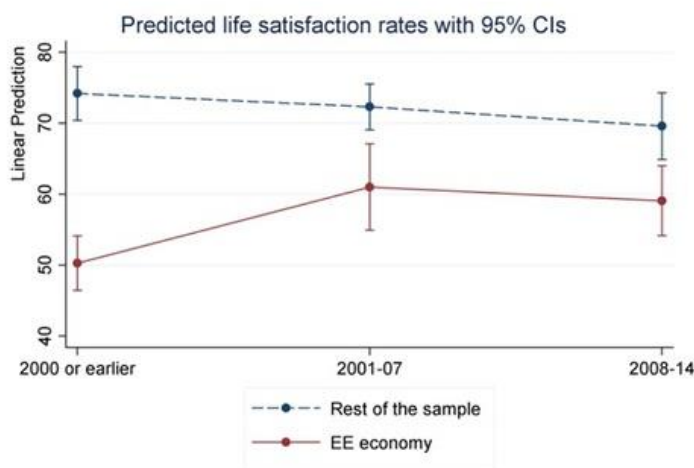
Мы здесь показываем не только Россию, Польшу, Украину – те, которые названы. Внизу там, кстати, Молдова, которая имеет здесь наименьший показатель. Также вы видите, голубым цветом обозначены другие экономики переходного периода – это Белоруссия, Казахстан, Грузия. Что мы здесь видим? Мы видим, что страны переходного периода несчастливы по этим контрольным характеристикам так, как должны бы быть. Они находятся ниже линии среднего счастья. Здесь линия за последние десять лет не только по Европе, но и по всем странам мира со средним и высоким доходам. Голубые точки – это то, с чем мы сравниваем: Австрия, Чили, Малайзия. А желтые – это наши страны. Есть страны, которые находятся над линией, но в основном все они ниже линии, они менее счастливы, чем показывает базовая экономическая социальная статистика.

У меня есть слайд, который показывает положение дел в России и Украине. Относительно показателей по доходу, здоровью, погоде и семье наименее счастливая страна в мире, скажем так, Украина. То есть нет менее счастливой страны в мире, чем Украина, если мы смотрим по контрольным показателям. И это не феномен последних лет, это то, что непрерывно показывается в исследованиях последние пятнадцать лет по состоянию на 2014 год. И вторая в списке наименее счастливых стран в мире – это Россия. Далее идет африканская страна, затем Сербия, Белоруссия, Болгария, Венгрия. Таким образом, в основном мы говорим о странах постсоветских. При этом Украина и Россия – в определенном смысле рекордные страны. В нашем исследовании, конечно, еще очень много других графиков, но, возвращаясь к основному вопросу, я хочу

сказать следующее. Есть исследования, которые проводились десять или пять лет назад, не нами. В 2007 году проводила исследование Екатерина Журавская, которая сейчас преподает в Париже, и она тоже рассматривала этот вопрос счастья-несчастья. Пять лет назад в своей работе она с оптимизмом отметила, что это существовало несколько лет назад, но потом люди стали понимать, что страны достигли определенных успехов в момент перехода, и стали более счастливыми.

Main findings

Holding income per capita fixed, the happiness gap has persisted:

Что мы пытаемся здесь показать? Мы пытаемся объединить все экономики переходного периода красным цветом и остальные страны мира – синим. И мы видим, что с 2000 по 2006-2007 года этот пробел, можно сказать, сократился, а потом он устойчиво оставался на том же уровне, то есть мы не сближались дальше. Это достаточно простая работа, и другие люди тоже это проделывали, она неоригинальна, может быть, но мы возвращаемся к вопросу: что происходит, почему в нашем регионе мы не становимся счастливее? И это связано с нашей сегодняшней дискуссией, почему это происходит и есть ли какие-то различия между странами.

Грубо говоря, что происходит: я говорил, что весь наш регион находится в относительно депрессивном состоянии по сравнению с другими странами, но при этом есть Россия, Болгария, Венгрия, Грузия, Армения, которые изначально провели реформы, но есть такое мнение, что этих реформ было недостаточно, или они были слишком болезненны, и их не стали поддерживать в будущем, и они остановились. Это страны второй группы из трех, которые я описал. То есть это не быстрые реформаторы и не те, кто вообще никогда не пробовал проводить реформы. Это те, которые находятся посередине, и таких стран на постсоветском пространстве большинство. Кто-то из них попробовал проводить реформы, а потом приостановил, кто-то попробовал, но поздно. Все это те страны, которые особенно несчастливы.

Почему же так происходит? Для того, чтобы связать характеристики стран, в которых люди говорят, что они особенно несчастливы, нам понадобились дополнительные исследования. Не буду комментировать все наши действия, но скажу следующее. Что касается тех стран, которые начали реформы, а потом остановились, то в них люди видят процесс перехода как процесс увеличения коррупции. То есть в этом процессе богатые люди продолжают обогащаться, и эти люди находятся в правительстве, потом они могут уходить из него или, наоборот, оставаться и продолжать обогащаться, но Украина является прекрасным примером этого. А средняя часть населения, конечно же, ощущает себя в этом переходном процессе все менее и менее счастливой, потому что, как мы понимаем, большая группа политиков, в основном, за их счет через коррупцию и обогащается.

	(1)	(2)	(3)	(4)
	Percent satisfied	Percent satisfied	Percent satisfied	Percent satisfied
log PPP GDP per capita	10.14*** (2.387)	5.787** (2.589)	10.86*** (3.289)	7.100*** (2.561)
EE economy	-7.314** (2.934)	-4.774 (2.878)	-7.716** (3.415)	-5.296* (2.892)
Life expectancy	0.297 (0.294)	0.305 (0.274)	0.270 (0.381)	0.219 (0.273)
Share Eastern Orthodox	-18.83*** (4.602)	-15.32*** (4.438)	-22.64*** (5.578)	-15.37*** (4.270)
Corruption perception index		0.253*** (0.0793)		
Doing Business, average DTF of selected regulations			-0.0943 (0.155)	
Government effectiveness (WGI)				15.19*** (3.692)
Regulatory quality (WGI)				-5.485 (4.591)
Rule of law (WGI)				-5.736 (4.983)
Survey controls	✓	✓	✓	✓
Year fixed effects	✓	✓	✓	✓

Здесь мы видим, что экономики переходного периода менее удовлетворены по определенным контрольным показателям по сравнению с другими странами. Далее есть результаты по эффективности правительства, также есть строка по коррупции и индексу коррупции. И здесь мы понимаем, что все больше и больше людей в переходных экономиках ассоциируют переход с коррупцией, и коррупцией именно конкретной группы политически-экономической элиты. Тогда в умах большинства населения складывается, что если переход – это коррупция, то они хотят чего-то другого, не перехода от предыдущего режима к новому. В исследованиях и в политической ситуации по регионам мы видим консерватизм, уход от трансформации и изменений, установление того, что стабильность – это лучше, чем перемены, поэтому давайте поддерживать политиков, политические партии и экономические платформы, которые не продвигают изменения, а поддерживают стабильность.

А что такое – поддерживают стабильность? В более демократических странах это партии закона и порядка, которые говорят, что приватизация – плохая идея,

экономические реформы могут быть хорошими или плохими, но если мы придем к власти, мы обещаем вам посадить в тюрьму всех богатых людей, которые нажились за наш счет, и вести себя хорошо. Есть такая партия закона и порядка в Польше, которая достаточно активно действовала последнее десятилетие, они были в правительстве, думаю, вернутся в будущем. В Словакии премьер-министр Роберт Фицо и его партия – это тоже партия закона и порядка, я имею в виду, что они концентрируются на традиционных национальных ценностях. То есть это достаточно национальные партии, они действительно концентрируются на национальных ценностях и стабильности, а не на реформах. Такие партии существуют и в демократических странах Центральной и Восточной Европы.

Есть также страны, которые пытаются понять, что происходит, – это Россия и Венгрия. Одна, конечно, более важна в мире, чем другая, но тем не менее. С начала и до середины 1990-х мы наблюдали в этих странах определенные экономические реформы, потом они прекратились, и далее был период так называемого дружественного братского капитализма. А затем и в России, и в Венгрии установился политический и экономический режим, основывающийся на консерватизме, стабильности и нелиберальной демократии, как это называют в Венгрии. Они говорят, у нас есть партии, поэтому мы все-таки либеральны, и кто смотрит на нашу экономическую модель. Это не коммунистическая модель прошлого, но и не модель свободного рынка, которую в какой-то момент они пытались построить; это такая экономическая модель, которая обладает определенными характеристиками, превалирует в российской экономике сегодня и в меньшей мере, но присутствует также в экономике Венгрии.

Назову эти характеристики. Первая характеристика – это возврат к государственному владению, государственной собственности. Сегодня доля государственной собственности в России выше, чем была ранее. Это относится к количеству работников, которые служат в государственных и муниципальных учреждениях, и также это касается транспорта, природных ресурсов, энергетики. Если мы посмотрим на 1995-1996 годы, доля частной собственности была выше, чем сегодня. Кстати, то же самое происходит и в Венгрии. Венгрия так же в последние семь лет заново национализировала определенные структуры энергетического сектора и транспортные инфраструктуры с тех пор, как господин Виктор пришел к власти. Мы возвращаемся к национальным ценностям, и таким образом усиливается роль государства.

Вторая характеристика, и она более превалирует в России, чем в других странах, – это попытка уйти от рынков в принципе, и не только через большую долю госсобственности. Даже там, где существуют частные рынки, говорится: «Нам не нравится, что цены устанавливаются на региональном уровне, на секторальном уровне. Мы бы хотели контролировать эти цены». И как это происходит? В основном, через монополизацию, когда в каждом секторе присутствует очень мало акторов, например, в таком секторе, как транспорт или авиация – очень хороший пример последних дней, хотя в России есть и другие примеры. И тогда эти крупнейшие игроки говорят это вам, и это все больше и больше происходит в

России, как все это время происходило в других странах – Белоруссии, Казахстане, которые никогда не пытались проводить реформы, Туркменистане.

Кто-то скажет: «Это просто политические лидеры. У некоторых политических лидеров есть такие взгляды, и поэтому так происходит». Наше исследование как раз показывает, что это не политические лидеры. Дело в том, что большинство населения в этих странах, как, может быть, и ранее, хотят другую систему, может быть, более устойчивую, зависящую от их собственного правительства, а не от каких-то внешних рыночных сил, которые неизвестны и которые они не могут представить. Помимо этого, это не просто российская, или венгерская, или словацкая тенденция, это тенденция, которая присутствует в разной степени во всем регионе. Она превалирует и в таких быстрых реформаторах, как Польша, Словакия, Чешская Республика. Это, например, страны, которые проводили пенсионную реформу, приватизировали пенсионную систему, а сейчас мы наблюдаем откат. В Румынии, в Болгарии последние три-четыре года то, что было частной пенсионной системой 10-12 лет, сейчас перешло опять же в государственные руки. В нашем регионе говорят, что рыночные тенденции хороши, но мы предпочитаем стабильность. А стабильность обеспечивается государством. Так что теперь мы переходим к разговору о стабильности.

Существует стабильность реальная, фактическая и стабильность воспринимаемая. Иногда люди говорят: «У нас небольшая экономика, а вот в некоторых странах, таких, как Россия, экономика немаленькая, и есть секторы, которые развиты лучше, чем другие». Различные страны и регионы старались ориентироваться на более крупные экономические блоки, например, страны Центральной и Восточной Европы ориентировались на Евросоюз. Естественно, это рынок, насчитывающий 350 миллионов человек, то есть тут большие возможности для роста, для развития инфраструктуры, возможность стать частью большого рынка. Поэтому в Центральной и Восточной Европе каждая страна независимо от ориентации, каждая политическая партия рассматривала европейскую интеграцию в качестве одной из возможных перспектив, которая обеспечивала как экономическую, так и политическую стабильность. А в России и вокруг России есть согласие относительно Евразийского экономического содружества. Если подумать, почему такие страны, как Казахстан, Киргизия, Армения, рассматривают членство в Евразийском экономическом сообществе, прежде всего здесь дело в том, что у них повышаются возможности сбыта своих товаров.

Также в последние полтора года мы видим тенденцию, которая набрала обороты в Центральной Азии, в России, в некоторых странах Восточной Европы. Это инициатива, возглавляемая Китаем – новый Шелковый путь. Это возможность создать новое экономическое пространство от Китая к Казахстану, России, Белоруссии и дальше – странам Восточной Европы вплоть до Германии. То есть это попытка создать новую современную инфраструктуру для Казахстана, Туркменистана и для тех регионов России, которые близки к границе с Казахстаном. Далее путь идет к Москве, Санкт-Петербургу, портам Роттердама и

Северной Европы. Многие политики испытывают воодушевление, когда речь идет об этой инициативе, и это происходит не только в России, но и в Грузии, а также в некоторых бывших югославских республиках. То есть это превалирующая концепция на сегодняшней экономической арене. Здесь сказываются надежды, связанные с расширением экономического сотрудничества и экономического развития.

Теперь несколько слов об экономической и политической стабильности. Когда мы начали процесс реформ, мы думали, что это достаточно монотонный процесс, который идет через демократию и свободный рынок и позволит нам стать нормальной демократической страной, как мы видели в трех или четырех странах – Чешской Республике, Польше, Эстонии, может быть, Словакии. То есть этим четырем странам удалось пройти этот путь. В других странах этот процесс занял гораздо больше времени, и в течение этого периода произошло несколько важных событий. Прежде всего, процесс перехода все больше ассоциировался с коррупцией, поэтому росло противодействие, далее – возврат, может быть, не к старой системе, но к национализму, консерватизму и более традиционной политической и экономической модели. Для маленьких стран этого было недостаточно, и маленькие страны попытались вступить в экономические блоки, большие по размеру, идет ли речь о Евросоюзе, или ЕврАзЭС, или о новом Шелковом пути.

Итак, порассуждаем о том, куда продолжат путь наши страны. В прошлом, когда мы говорили о переходе, мы говорили о том, что в Европе – в таких странах, как Ирландия, Германия, Испания – в начале и середине 1990-х годов существовала определенная экономическая модель и если вы будете стараться, то вы выйдете на их уровень. Тем не менее, почему в наших странах коррупция росла, а экономический переход не удавался? Дело в том, что в какой-то момент обнаружилось, что экономическая модель, характерная для стран Европы, не работает. То есть раньше мы говорили об «ирландском тигре» или процессе модернизации в Испании, тем не менее, все это закончилось экономическим кризисом. Эти страны как раз не столь успешны, как мы думали. Почему я говорю об этом? За последние годы я неоднократно участвовал в дискуссиях, например, с премьер-министром Венгрии Орбаном. Я спрашивал его: «Что вы чувствуете относительно того пути, по которому вы повели Венгрию?» И он говорит: «Раньше мы были наивными, мы были молодыми, мы хотели стать такими же, как страны Европы. Но хотим ли мы сегодня быть такими, как Испания, Греция, Италия, Франция? Мы не совсем в этом уверены. То есть сегодня мы видим, что эти страны более не предлагают нам правильную экономическую модель».

Политики находятся в трудном положении. То есть к западу от них находятся страны, которые не являются образцовой экономической моделью. Пять лет назад можно было сказать: «Мы хотим быть как Китай». Китай в то время развивался быстро, двигался по пути модернизации, но сегодня Китай более не является хорошей моделью, экономика замедляется и продолжит замедляться в последующие годы. Откуда я это знаю? Мы видели, что это уже происходило в

прошлом. В 1960-е годы японская экономика развивалась очень быстро, казалось, что скоро произойдет ее экспансия по всему миру. Потом произошло замедление и остановка роста. Затем мы думали, что Корея станет следующим лидером. Но опять же Корея выросла из страны со средним уровнем дохода и далее остановилась. То же самое происходит в Китае. Итак, если вы принимаете решение относительно политики, вы видите, что и на западе, и на востоке у стран есть проблемы. С моей точки зрения, это отсутствие альтернатив и есть причина, почему такие страны, как Россия и Венгрия откатываются. То есть если ничто иное не работает, может быть, мы вернемся к нашим традиционным ценностям и останемся на этом пути в течение какого-то времени, пока не будет предложена какая-то новая экономическая или политическая модель.

Я не знаю, что это за модель. Если бы я знал это, это была бы очень интересная лекция. Тем не менее, есть вещи, в которых я убежден. Например, очень важно искать, смотреть на то, что происходит в Европе, в Азии, в других частях мира, есть ли страна достаточно большая по размеру, где экономика является достаточно действенной, работает достаточно эффективно, где, возможно, мы можем найти фазу перехода. И, может быть, в этой фазе нам удастся достичь уровня средней европейской страны, то есть стать более здоровыми, более экономически успешными, может быть, более скучными.

Спасибо за внимание.